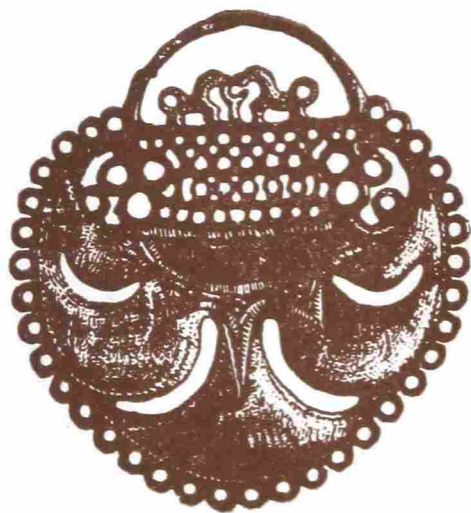

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4

1990

26. Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
27. Меликишвили Г. А. Возникновение хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии // ВДИ. 1965. № 1.
28. Джапаридзе О. М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1961 (на груз. яз.).
29. Ростунов В. Л., Наглер А. О. Об этнокультурных и социально-экономических процессах в Центральном Закавказье в конце III тыс. до н. э. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
30. Кушнарева К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. 1973. Вып. 134.
31. Авдиев В. И. История древнего Востока. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1953.
32. Струве В. В. Предисловие к кн.: Маккей Э. Древняя культура долины Инда. М.: Изд-во иностр. лит., 1951.
33. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
34. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
35. Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1967 (Изд. 2-е. М.: Наука, 1971).
36. Осетинские нарртские сказания / Пер. Либединского Ю. Дзауджикау, 1948.
37. Исаев М. И. Осетинский язык // Языки народов СССР Т. 1. Индоевропейские языки. М.: Наука, 1966.
38. Русско-осетинский словарь. Орджоникидзе, 1974.
39. Добродомов И. Г. Пути проникновения болгарской лексики в славянские языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974.
40. Алексеев В. П. Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник. Тр. ИЭ. Нов. сер. 1961. Т. 71.
41. Алексеев В. П. О брахикранном компоненте в составе афанасьевской культуры // СА. 1961. № 1.
42. Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б. Афанасьевская культура // История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 1. Л.: Наука, 1968.
43. Киселев С. В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
44. Дьяконов И. М. Пути и судьбы // Знание — сила. 1988. № 9.
45. Немец Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопр. языкознания. 1963. № 6.

В. А. САФРОНОВ

НОВЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

В 1982 г. в серии работ совместно с Н. А. Николаевой мы изложили свою систему взглядов на происхождение, датировку и этногенез майкопской культуры [1—3]. Ранее, в 1974 г. [4, с. 174—199], мы аргументировали тезис о разнокультурности Майкопа и Новосвободной и предложили центральноевропейское происхождение для культуры дольменов Новосвободной, которая до этого традиционно рассматривалась как этап майкопской культуры [5, 6]

Систему своих воззрений мы рассматриваем как альтернативу традиционно сложившейся сумме взглядов, высказанной разными исследователями в разное время, а потому не согласованной в своих звеньях и не являющейся системой. Системный подход, который продемонстрирован нами в работах «майкопского цикла», — это учет всех аспектов майкопской проблемы, рассмотрение всех составляющих майкопского культурного комплекса порознь и в сумме с учетом связей в ареале и диахронии. Системный подход к майкопской проблеме предполагает учет двух основополагающих постулатов: 1) майкопская культура — это система составляющих ее признаков; 2) майкопская культура в свою очередь является частью системы культур энеолита — бронзового века Кавказа и Восточной Европы. В этом суть нашего метода исследования майкопской проблемы, последовательное применение которого помогло бы избежать колебаний дат Майкопа в пределах нескольких тысячелетий и объединения вопреки логике Майкопа и Новосвободной в рамках одной культуры [1, с. 22, 23]

Опровергнуть систему можно только противопоставлением ей альтернативной системы, а не реанимацией отдельных звеньев старых разрозненных схем, неоднократно критикуемых как в прошлом, так и в настоящее время, сущность

которых удачно определена В. А. Трифионовым как «совокупность представлений, лишенная культурно-исторической ценности» [7, с. 18—26].

К таким устаревшим догмам относится никем не обоснованное утверждение, а точнее заблуждение, восходящее к началу века, об однокультурности майкопских и новосвободненских памятников, а также о генетической связи майкопской и северокавказской культур, культурно-исторической общности или области, по В. И. Марковину [8, 9]. С этой научной платформы, не поддержанной большинством специалистов (А. Д. Столяр, Л. И. Лавров, В. А. Сафронов, Н. А. Николаева, Л. С. Клейн, М. В. Андреева, Ю. Ю. Пиотровский, А. Н. Гей, В. Б. Виноградов, В. Б. Дударев и др.), предпринимается В. И. Марковиным критическое изложение основных узлов нашей концепции бронзового века Северного Кавказа в целом, и по Майкопу в частности.

Поскольку изложение оппонентом нашей системы воззрений создает у читателя неверное представление о ней, имеет смысл кратко остановиться на главных выводах наших исследований по майкопской проблеме, акцентируя внимание на степени их обоснования.

Проверка на «однокультурность» памятников Майкопа и Новосвободной предваряет работу по установлению генезиса как Майкопа, так и Новосвободной. Для обоснования отсутствия генетической связи между Майкопом и Новосвободной мы привели 26 признаков погребального обряда Новосвободной, отсутствующих в майкопской культуре, но присутствующих в культуре шаровидных амфор Западной Украины и Польши. Анализ керамического комплекса Майкопа и Новосвободной подтвердил существование двух совершенно разных керамических традиций, тогда как керамика Новосвободной по 9 технологическим признакам и типологии связывается с культурой шаровидных амфор [4, с. 195—199].

Справедливости ради следует отметить, что В. И. Марковин тоже относил дольмены Новосвободной к дольменной культуре и исключал их из майкопской культуры, причем энергично настаивал на разнокультурности эпонимных памятников в следующих выражениях: «...пытались даже найти общее сходство между Майкопом и Новосвободной... общие черты сводились к скорченности костяков, засыпке их охрой и южной ориентации... стало ясно, что памятники майкопского типа и дольменные комплексы представляют собой разные культуры» [10, с. 44]. Эти энергичные высказывания не сопровождались доказательствами, но об их «основательности» можно судить хотя бы по утверждаемой в этой же работе миграции дольменной культуры из Пиренеев по южным морям на Западный Кавказ, по аналогиям новосвободненскому крюку и подвеске в полтора оборота, обнаруженным В. И. Марковиным в процессе скрупулезных поисков на Сицилии и в Африке.

Парадоксально, но 4 года спустя В. И. Марковин отказался от идеи разнокультурности Майкопа и Новосвободной, хотя после нашей работы число доказательств возросло многократно [11].

Мы, наоборот, продолжали развивать эту концепцию, включив ее составной частью в решение индоевропейской проблемы. В 1983 г. в монографии «Проблемы индоевропейской прародины» мы привели модель, объясняющую существование аналогий для Новосвободной в ряде культур Причерноморья и Западной Европы, и высказали предположение о хетто-палайской атрибуции Новосвободной [12, с. 84].

Новый исторический уровень, на который мы вывели проблему дольменов Новосвободной, был замечен В. И. Марковиным, который, оставив в стороне археологические факты и всю систему наших доказательств, обрушился на «коссинизм», понимая под этим любой западноевропейский генезис восточноевропейских культур, в том числе и культуры Новосвободной. Резонно было бы спросить нашего оппонента, почему его «африканские» аналогии предпочтительнее 35 аналогий, проводимых нами из памятников Польши и Западной Украины в постулировании западноевропейского происхождения дольменной культуры.

Что касается «антикоссинизма», питаемого работами А. Я. Брюсова и находящего сторонников в лице В. И. Марковина, то сейчас это не актуально. Хочу только напомнить В. И. Марковину, знающему работы Г. Коссины понаслышке, из вторых рук, и процитировать тезис из доклада Е. Неуступного в 1976 г.: «Самой обычной (наряду с диффузионистской и скандинавской эволюционистской парадигмами.— В. С.) и до сих пор действительной парадигмой среднеевропейского неолита является парадигма Г. Коссины. Ее исходным пунктом является мысль, что археологические источники свидетельствуют об истории отдельных этнических групп населения; основной комплекс вопросов этой парадигмы представляют вопросы происхождения отдельных культурных групп, их контактов и их миграций» [13, с. 131]. После серии работ и двух монографий по индоевропейской проблеме, где мы изложили систему своих доказательств по происхождению ряда культур энеолита и бронзового века Восточной Европы и Северного Кавказа, но которые В. И. Марковин игнорирует и не вспоминает, мы не считаем возможным вступать с ним в дискуссию по индоевропейской проблеме из-за явной его неосведомленности в азах этой проблемы, смутного представления о комплексе культуры воронковидных кубков как о «раструбовидных сосудах с рифленным корпусом, культовых янтарных топориках и боевых каменных топорах с кнопкой на обушке» [14, с. 109] и явной заинтересованности перевести дискуссию в ненаучное русло.

Стержневым в проблеме Майкопа является вопрос датировки майкопских памятников в системе относительной и абсолютной хронологии. Установленная нами атрибуция и датировка предмайкопского горизонта на Северном Кавказе как Средний Стог II и период B2/C1 Триполья представляет сейчас уже общепризнанный факт [7, с. 25, сн. 7, 24; 15], поддерживаемый Н. И. Гиджрати, В. А. Трифоновым, А. Д. Резепкиным, А. А. Нехаевым и др. Этот горизонт включает памятники: «Замок» у Пятигорска, нижний слой поселений Мешоко и Свободное в Закубанье, могильник Комаровский курган 2, погребение 18 у Моздока, Веселая Роща в Минводах, Нальчикский могильник, Верхний Акбаш, Джангр 1/3, Архара 18/3 в Калмыкии. Немайкопская атрибуция предмайкопского хронологического горизонта доказывает, что у майкопской культуры нет местных корней, и, таким образом, снимает последние препятствия к установлению происхождения Майкопа через миграционную модель. В то же время дата этого предмайкопского горизонта — Триполье B2/C1 — дает нижнюю хронологическую границу для майкопских памятников в системе относительной хронологии не ранее конца Триполья C1. Вся система дат не позволяет удревнить майкопскую культуру ранее середины III тыс. до н. э.

В. И. Марковин вслед за М. В. Андреевой игнорирует данные относительной хронологии для майкопских памятников. Но если М. В. Андреева логично «отрезает» все новосвободненские памятники от новой даты Майкопа IV/III тыс. до н. э. ссылкой на наши работы о разнокультурности Майкопа и Новосвободной [16, с. 39—56], то В. И. Марковин не только не отказывается, а вновь настаивает и на генетической, и на хронологической связи Майкопа и Новосвободной и, не подозревая о том, вменяет себе в обязанность разработать новую систему дат для бронзового века Северного Кавказа с опорой на дату Майкопа IV/III тыс. до н. э., поскольку нельзя изменить дату Майкопа и не изменить даты связанных с ним памятников. Однако кажется, что отсутствие последовательной методики в рассуждениях Марковина позволяет ему не заметить этого логического нонсенса с датами.

Абсолютные даты для майкопской культуры приводятся В. И. Марковиным без указания той системы, из которой взята дата, тогда как расхождение между датами в «средней» и «длинной» шкалах исторической хронологии для второй половины III тыс. до н. э. достигает 200 лет. Сама по себе дата не может рассматриваться вне системы доказательств; осознанное принятие той или иной даты предполагает, что система доказательств должна быть рассмотрена и либо принята, либо отвергнута. Если дату М. В. Андреевой для Майкопа — IV/III тыс. до н. э. мы отвергаем после рассмотрения всех оснований дати-

ровки [17, с. 12, 13], то В. И. Марковин должен был бы, принимая дату М. В. Андреевой, либо отвергнуть наши возражения по дате IV/III тыс. до н. э., либо разрушить нашу систему доказательств. Ни того, ни другого наш оппонент не делает, и, таким образом, дата становится символом веры тому или иному исследователю, знаком ведомственного единства. Но может быть и проще: опровергнуть предложенную нами дату для Майкопа — XXIV — XXIII вв. до н. э. (по системе Биккермана) — просто невыполнимая задача для В. И. Марковина.

Действительно, дата конец XXIV в до н. э. является результирующей 26 дат для составляющих майкопский культурный комплекс, которые находятся в пределах Раннединастический III — начало аккадского периода, т. е. XXV — XXIV вв. до н. э. Точная дата для Майкопа — конец XXIV в. до н. э. — стала возможной, потому что было определено историческое событие, вызвавшее миграцию носителей майкопской культуры из верхнемесопотамских регионов на Северный Кавказ. Это событие — экспансия Аккада на северо-запад.

Эти 26 дат для Майкопа складывались из *даты керамического комплекса Майкопа* (РД III — по памятнику Тель Хуэйра), из *даты* (РД III) *ювелирного стиля* майкопских украшений, из *даты металлокомплекса* (РД III по памятникам шумеро-эламского круга в Мари, Уре, Кише А, Асмаре, Хафадже, Эламе), из *даты печати* (РД III — аналогия в царских гробницах Ура), из *даты начала рафинирования серебра*, т. е. появления той технологической операции, которая позволила перейти к изготовлению больших форм сосудов из серебра (РД II — РД III), *даты изготовления круглой полый и литой скульптуры* (РД II — РД III), *даты начала изготовления медных и бронзовых, золотых рельефов* (РД II/РД III — РД III), *даты сложения майкопского художественного стиля* (РД III). В свою очередь дата майкопского художественного стиля определяется датами бытования каждого из 10 персонажей майкопской композиции на серебряных сосудах в памятниках Древнего Востока, а также пяти сцен, сюжетов. Даты некоторых персонажей («львица», «пятнистый хищник», «кабан»), заходящие в начало аккадской эпохи, позволяют помещать дату сложения майкопской культуры на Древнем Востоке в конец Раннединастического III. Некоторые элементы декора, а также черты нарождающегося ювелирного стиля Аккада (тип ожерелья; полые головки животных с битумным заполнением и креплением, каковая имеется в Старомышастовской, в майкопской культуре) позволяют сближать дату Майкопа и Аккада.

Таким образом, дата майкопского культурного комплекса лежит на стыке хронологических диапазонов существования всех составляющих этого комплекса. Системный подход к датировке Майкопа позволил повысить надежность даты.

Генетическая связь майкопских памятников с памятниками бассейна Верхнего Евфрата (РД III, по месопотамской периодизации, или РБ III — по анатолийской) *впервые была установлена нами в результате сопоставления прежде всего керамических комплексов майкопской культуры (142 сосуда) и поселения Тель Хуэйра (165 сосудов)* — одного из 36 аналогичных памятников, находящихся в Верхней Месопотамии, на территории около 70 тыс. км². Если весь наличный объем майкопской керамики сравнивается с одним из 36 памятников Верхнего Евфрата, то не должно быть сомнений у В. И. Марковина, «могут ли выходцы из местечка Тель Хуэйра заселить половину Северного Кавказа», хотя такие «демографические» изыскания вообще мало-научны.

Проведенная нами классификация майкопской керамики разрушила представление о ней как об однообразной, привела в соответствие многообразие майкопской керамики с многообразием керамического комплекса Тель Хуэйра и позволила выполнить сравнительный анализ двух памятников. Было выявлено 40 общих форм, объединенных в 8 функциональных групп (горшки,

кувшины, миски, котлы, дуршлагы, бутылки, сковороды, мангалы). Сходство майкопского комплекса и Тель Хуэйры несомненно, что выражается объективно через коэффициент совмещения, равный 1 (методика расчета этого коэффициента изложена Н. А. Николаевой [18]). Это означает, что все типы майкопской керамики находят точные и полные аналогии в Тель Хуэйре. Этого более чем достаточно, чтобы говорить о связях генетического порядка между двумя памятниками. Если учитывать формы, отсутствующие в Майкопе, но присутствующие в Тель Хуэйре («фиалы и дымовые трубы»), то коэффициент сходства, рассчитанный по формуле $K = s^2 / m \cdot n$, будет равен 0,9. Учитывая наблюдения Кларка, который подтверждает, что коэффициент сходства между памятниками, относящимися к разным вариантам одной культуры, может колебаться от 0,3 до 0,7, в пределах одного варианта — от 0,7 до 1,0, памятники Майкопа и Тель Хуэйры можно считать однокультурными [19, с. 167]

Не имея возможности «перечеркнуть подборку сходных материалов в майкопской культуре и Тель Хуэйра, сделанную В. А. Сафроновым» [14, с. 117], В. И. Марковин обращает внимание, что комплекс Тель Хуэйра объемнее майкопского и по этой причине Майкоп не может быть генетически связан с Тель Хуэйрой.

Если весь набор майкопской материальной культуры находит убедительные аналогии в комплексе из поселения Тель Хуэйра, содержащем лишь несколько типов предметов не обнаруженных в майкопских памятниках, то это может означать лишь культурное и генетическое единство памятников типа Майкопа и Тель Хуэйры.

Несостоятельна попытка В. И. Марковина показать, что мы провели одностороннее сравнение комплексов Майкопа и Тель Хуэйры, опустив архитектуру, глиптику, пластику, хотя тщательность своего прочтения монографии Г. Кюне о Тель Хуэйре В. И. Марковин подчеркивает прописыванием немецких лексических эквивалентов. Так, по Марковину, в Тель Хуэйре только сырцовая архитектура, нет каменных строений, представленных на майкопских поселениях. Однако факты говорят, что каменные постройки зафиксированы как в нижних слоях поселения Тель Хуэйра (каменное здание 5-4), так и в верхних слоях (каменное здание 1) [20, с. 843, 844, № 64]

Осталось неясным, знает ли В. И. Марковин о существовании цилиндрической печати в майкопском погребении у с. Красногвардейское Усть-Лабинского р-на. Если знает, то почему глиптика Тель Хуэйры относится им к чертам отличия ее от Майкопа. В 1988 г. мы писали: «Исключительно важная находка цилиндрической печати в майкопской культуре... завершает портрет майкопской культуры как культуры древневосточного облика наряду с уже отмеченными нами элементами древневосточных культур как сырцовая архитектура, („конуса“, стелы-obelisks и т. д.)» [21, с. 30—33]. В отличие от первоисследователя ее, А. А. Нехаева, мы нашли аналогию печати в РД III, в царских гробницах Ура, что подтверждает нашу общую датировку Майкопа 1982 г. как конец XXIV в. до н. э., учитывая запаздывание их появления на севере Месопотамии, как полагал Мэллоуэн [22, с. 10], и тем более в Майкопе.

«Огромные серии алебастровых статуэток», по В. И. Марковину, оказываются тремя статуэтками, а глиняная пластика Тель Хуэйры служит хорошим дополнением к ближневосточным аналогиям для майкопских статуэток, уже приводимым А. А. Формозовым [1, с. 24]. Таким образом, пластика Тель Хуэйры учитывается нами и не противоречит тезису о генетической связи Майкопа и Тель Хуэйры.

Следует подчеркнуть, что мы впервые ввели в круг аналогий датирующего порядка для майкопской культуры ранее не использующиеся в этих целях категории культурного комплекса Майкопа: это «сирийские бутылки», глиняные конуса как элемент декора в ближневосточной архитектуре (присутствуют и в Тель Хуэйре), рифленый глиняный сосуд с серебристо-черным ангобом (принадлежащий к типам сирийской металлоидной керамики). Именно в

Тель Хуэйре сосредотачиваются и другие части майкопского культурного комплекса: серебряные сосуды, скульптурные изображения лошади (вообще редкие в памятниках Месопотамии), медведя, клады украшений, комплекс оружия: топор-тесло, проушной топор, копье с насадом. Все это дает основание думать, что проведенное нами сравнение Майкопа и Тель Хуэйры выдержано в требованиях системного подхода.

Верхнеевфратские истоки для майкопской культуры, выявленные нами, а также указание Г Кюне на сходство керамики Тель Хуэйры с комплексами, которые теперь, как правило, относятся к культуре калициформной керамики, имеют большие последствия для раскрытия этнических процессов, имевших место в Верхней Месопотамии и Плодородном Полумесяце в последней трети III тыс. до н. э., и прямое отношение к той обстановке, в которой проходила миграция майкопской культуры. Возникновение верхнеевфратской цивилизации, представленной памятниками типа Тель Хуэйры, по общему признанию, имело место под сильнейшим культурным влиянием Нижней Месопотамии и связано скорее всего с проникновением оттуда каких-то групп населения. Мэллоуэн называет Тель Хуэйру провинцией Шумера и доказывает присутствие там шумерских ремесленников [23, с. 67]. В то же время генетическую связь верхнеевфратских памятников с культурой калициформной керамики Эблы можно считать твердо установленным и признанным фактом. Дж. Меллаарт считает, что памятники Северо-Восточной Сирии (тип Тель Хуэйра) явились «прямым потомком калициформной керамики Эблы» [23, с. 27]. Вероятно, в результате разрушения Эблы Нарамсином [23, с. 16] носители культуры калициформной керамики продвинулись в Палестину [23, с. 57], где обнаружены позднейшие памятники культуры калициформной керамики, существование которых в этом районе определяется последней четвертью III тыс. до н. э. по ^{14}C и привязкам к абсолютно датированным памятникам Египта, Сирии, Месопотамии [23, с. 55, 56].

Выявленная археологическая ситуация является по сути зеркальным отражением библейской картины передвижения племен Фары из Ура (Нижняя Месопотамия) в Харран (в 60 км от Тель Хуэйры) и после долгого проживания там — в Палестину (кн. *Бытия*, 11:31, 12:4—6). Других исторических событий, так увязывающихся с этой археологической ситуацией, нет, как нет и другой альтернативной археологической ситуации. В течение 215 лет обитали переселенцы в Палестине [3]. Приблизительно столько же времени в этом регионе находились и носители культуры калициформной керамики, исчезновение которой исследователи связывают с вторжением в Палестину на рубеже III—II тыс. до н. э. аморейцев [23, с. 60]. Прямые указания Библии на войну с аморейцами патриарха Израиля (кн. *Бытия*, 48:22) показывают что, вероятно, явилось причиной переселения его племени в Египет.

Аморейцы являются хорошим индикатором на достоверность библейских событий, а также хронологическим репером, поскольку на исторической арене они присутствовали в течение 4 веков. В конце XVII в. до н. э. хеттами было разрушено государство аморейцев Ямхат; с середины II тыс. до н. э. аморейцы вообще не упоминаются в сохранившихся документах Древнего Востока.

Совершенно такой же период отводится аморейцам в Библии. Они явились той главной силой, против которой была направлена борьба Союза 12 израильских племен после их 215-летнего египетского плена и 40-летнего скитания по пустыне. Эта борьба продолжалась 130 лет. Эта историческая связка исключает всякую возможность помещения Исхода во вторую половину II тыс. до н. э. и точно соотносится с разработанной нами колонкой корреспонденций между эпохальными событиями Библии (таких нами выделено 90) и истории Древнего Востока.

Библейские разработки в нашем исследовании 1982 г. во много раз по значению превышают археологические разработки майкопской проблемы, однако вопреки пониманию В. И. Марковина (или преднамеренной акцен-

тировке) не библейские даты определяют дату Майкопа, а, наоборот, историчность ветхозаветных преданий в своей «доисторической части» стала возможной при адекватной интерпретации археологической ситуации, надежных корреспонденциях и хронологии. Истинность волнующего В. И. Марковина тезиса, были ли «майкопцы» семитами, можно подтвердить другими источниками, а именно материалами Эблы. Исходя из сходства культуры калициформной керамики (археологический эквивалент Эблы) с материалами Тель Хуэйры, мы считаем комплекс Тель Хуэйры общим звеном между майкопской культурой и культурой Эблы. Эблаитские документы упоминают рядом с Харраном город Арманум и армийцев, причем последний является топонимом семитского происхождения, по И. М. Дьяконову (сравни с арамеянами Библии), так же, как и Харран, и топонимика, зафиксированная текстами Мари рубежа III—II тыс. до н. э. Все это служит бесспорным доказательством западносемитской атрибуции населения Тель Хуэйра. Возможно, Тель Хуэйра и есть город Арманум.

Намереваясь дискредитировать и Библию как исторический источник, В. И. Марковин вместо анализа событий Пятикнижия обращается к «магии» чисел Библии. Доведа родословие Фары до Адама (хотя мы использовали только достоверные события Библии) и обнаружив там действительно мифические цифры, В. И. Марковин стремится показать через их призму нелепость и условность всех цифр Библии. Он выводит «правило», по которому в основном повторяются цифры, производные от 4, т. е. 12, 20, 40, 80, хотя каждый может убедиться, что в Библии встречается практически весь натуральный ряд чисел от 1 до 23 и далее взброс до 100.

Вряд ли научные споры смягчат атеистическую предубежденность В. И. Марковина, да они вряд ли кого и убеждают. Вспомним хотя бы знаменитый диалог Воланда и Берлиоза. Что касается колебаний В. И. Марковина, «кем же были майкопцы?», и «уместности осторожных ответов» Р. М. Мунчаева (кашки, шумеры, хурриты, отдельные группы людей или «излишки населения из Месопотамии», «местный этнический массив, говорящий на западнокавказских языках», местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам [24, с. 376, 412]), то венцом их могут стать слова М. А. Булгакова: «Впрочем, ведь все теории стоят одна другой. Есть среди них и такая, согласно которой каждому будет дано по его вере...».

В заключение выражаю благодарность редакции «Советской археологии» за приглашение принять участие в дискуссии. Не могу не высказать сожаления, что личностный характер статьи В. И. Марковина не позволил ему сосредоточиться на майкопской проблеме. Попытки рассмотреть мимоходом такие глобальные проблемы, как индоевропейская или библейская, оказались не подкрепленными ни работами, ни знаниями. В этой связи непонятна безальтернативная и категоричная оценка выводов других авторов. Думается, больше пользы принесло бы обсуждение проблемы за «круглым столом», а не обсуждение статьи В. И. Марковина, являющегося новичком и в «собственно» майкопской проблеме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаева Н. А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд. Сев.-Осет. ун-та, 1982.
2. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Хронология и происхождение майкопского искусства // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд. Сев.-Осет. ун-та, 1982.
3. Сафронов В. А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: Изд. Сев.-Осет. ун-та, 1982.
4. Николаева Н. А., Сафронов В. А. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Сообщения НМС МК СССР. Вопросы охраны, использования и классификации памятников. М.: Знание, 1974.